

*Natalia Maliuga,
Kryvyi Rih National University,
senior lecturer, the Candidate in Philology,
the Faculty of Ukrainian Philology*

The Modern interpretation of Shevchenko's heritage: there are different kalatches from one stove

Abstract: The article investigates the critical view as Taras Shevchenko is symbolic character in forming of Ukrainian national identity. Writer's personality is considered as phenomenon in Ukrainian culture that does not know temporal and territorial limit.

Key words: mythologization of biography, national identity, national idea, cultural bearer, prophet.

*Наталія Малюга,
Криворізький національний університет,
доцент, кандидат філологічних наук,
факультет української філології*

Современная трактовка наследия Шевченко: из одной печи, да разные калачи

Аннотация: В статье представлен критический взгляд на Тараса Шевченко как знаковую фигуру в формировании украинской национальной идентичности. Личность писателя рассматривается как феномен в украинской культуре, который не знает временных и территориальных ограничений.

Ключевые слова: мифологизация биографии, национальная идентичность, национальная идея, проводник культуры, пророк.

Сложно судить о том, кто такой Тарас Шевченко сам по себе и в свое время. За полтора столетия изучение его литературного наследия превратилось в бесконечное повторение фрагментарных наблюдений или откровенно ошибочных трактовок. Шевченковские чествования в юбилейный год вызвали интеллектуальную рефлексию.

Оценка языка произведений и всецело роли Тараса Шевченко была спорной и не всегда аргументированной. От восторженных глубоких оценок гения Шевченко его современниками, которые непосредственно ощутили на себе силу его таланта, до высказываний в духе В. Белинского, согласно которому творчество поэта трактовалось лишь как перепев народной поэзии, которая живет исключительно казачеством, или просто отголосок старой жизни, что есть показателем ограниченного мировоззрения, и вообще такое явление, которое «не есть ничем новым» в литературе. От культивирования ореола поэта-пророка, с одной стороны, и до абсолютного неприятия, даже церковной анафемы, – с другой. От скрупулезных научных исследований творчества и биографии поэта до работ, в которых наблюдается лишь приспособленческое

пропагандистское прославление творца с попытками втиснуть его мировосприятие в определенные идеологические модели [1].

«Все, кто брался писать о нем, прежде всего думали о себе, и каждый поворачивал Шевченка, как ему на то время требуется, и смотря на то, перед кем говорилось об украинском kobzare», – эти слова М. Драгоманова относятся как к современникам, так и потомкам великого поэта, в зависимости от того, нужен ли им Шевченко верующий или атеист, демократ или заскорюзлый борец за сохранение традиций, высокообразованный человек или самоучка... Приведем обобщенные Драгомановым разные оценочные суждения о Шевченко, обнаруженные в третьей четверти XIX в.: он уже не «безумный патриот»; никогда и не был «сепаратистом»; враг России и Польши и казацко-украинский республиканец; мирный патриот; пророк «своей хаты и своей мудрости», которая оберегает от нигилизма; не социалист и не революционер, а законный австрийский постепенец; не «современный украинофил»; нигилист и социалист; Христос и Белиал (Сатана) и т. д. [2]. Словом, из одной печи, да разные калачи.

Ко времени написания «Шевченко, украинофилы и социализм» (1878 г.) популярность Шевченко всецело сформировалась: он занял свободную вакансию «великого украинского поэта», «основателя новой литературы» и приобрел славу национального пророка. М. Драгоманов говорит о потребности объективного и исторического суда над Шевченко, хотя слово «суд» здесь, как нам кажется, неуместно.

Творческий гений Т. Шевченко со времени появления на горизонте украинской литературы всегда привлекал внимание ученых. Каждый исследователь, рискующий приблизиться к личности Шевченко, по мнению О. Забужко, «без преувеличения обязан прежде всего определиться в координатах традиций» [3] существующего шевченковедения, основные направления которого – это или «чистая» филология, сдобренная изрядной долей биографизма (подсчет слогов, строчек, мужских и женских рифм, реконструкция сюжетных мотивов и т. д.) или поиск в его поэзии «национальной идеи».

Сегодня во многочисленных исследованиях, разобобщенных во времени, объективных и заангажированных, мы встречаем довольно разные трактовки Шевченко: а) народный («мужицкий») поэт (поэт-самородок); б) наш первый поэт и наш первый историк; в) борец-мученик, почти декабрист, революционный демократ; г) неформальный лидер украинского культурного движения; д) скульптурный или живописный поэт, созданный по канонам иконографической ленинианы; е) геополитик.

Шевченко – знаковая личность в формировании украинской национальной идентичности. Этапы становления Шевченко-пророка в XIX в. проанализировал современный исследователь А. Гриценко. Ученый тонко подмечает: «Более как столетняя традиция регулярных «новых прочтений» выделила несколько силовых узлов, концептуальных «камней преткновения», вокруг которых в основном и происходили дискуссии – или, собственно, переосмысления. К таким «узлам» относятся: Шевченковская «народность», его «религиозность» (или шире – «мировоззрение»); его «культурность» («образованность», «цивилизованность» или, наоборот, «стихийность»); наконец, его «национально-политические взгляды» (особенно – его отношение к идее украинской национальной независимости и к России)» [4].

Шевченко, аккумулируя духовный опыт предков, создал (и оставил в своем поэтическом наследии) не только мифическую версию украинской истории, но и костяк национальной мифологии, национально-консолидирующий авторский миф (см. исследования Г. Грабовича «Шевченко як міфотворець», О. Забужко «Шевченків міф України»).

По мнению Г. Грабовича, «исторический феномен Шевченко, кроме всего прочего, основывается на культурной готовности определенной аудитории и способности писателя резонировать в тон с ее коллективным опытом, эмоциями и надеждами» [5]. О. Забужко пытается разгадать загадку абсолютности

фигуры Шевченко для украинской духовной культуры и ответить на вопрос: «Как и насколько Шевченко «запрограммировал» Украину созданным им мифом?»

В 2014 году, «во время люте», в час «Ч» для украинской нации, имя Тараса Шевченко на устах украинцев не только потому, что те серьезно готовились к празднованию 200-летнего юбилея со Дня рождения гения национальной литературы, а потому что «батько Тарас» как никогда актуален: *Отаке-то було лихо / По всій Україні! / Гірше некла... А за віщо, / За що люде гинуть? / Того ж батька, такі ж діти, – / Жити б та брататься. / Ні, не вміли, не хотіли, / Треба роз'єднатися! / Треба крові, брата крові...* («Гайдамаки»); *«У нас воля виростала, / Дніпром умивалась, / У голови гори слала, / Степом укривалась!» / Кров'ю вона умивалась, / А спала на купах, / На козацьких вольних трупах. / Окрадених трупах!* («І мертвим, і живим...»); *Дніпро, брат мій, висихає, / Мене покидає, / І могили мої милі / Москаль розриває... / Нехай рие, розкопує, / Не своє шукає, / А тим часом перевертні / Нехай підростають / Та допоможуть москалеві / Господарювати, / Та з матері полатану / Сорочку знімати. / Помагайте, недолюдки, / Матір катувати* («Розрита могила»). Приходится согласиться с неутешительным выводом: «Некоторые пророчества сбылись. Другие – до сих пор висят страшным знаком вопроса, как недовязанной петлей» [6].

Сегодня достаточно широкое распространение получила версия, согласно которой Т. Шевченко был малограмотным, ограниченным человеком. Такие утверждения направлены на деструкцию украинской культуры, преуменьшение духовного подвига Кобзаря. Скандально известный журналист и писатель О. Бузина убеждает читателей в своей книге «Вурдалак Тарас Шевченко», что «Тарас Григорьевич... недостаточно украинец», тем самым перечеркивая его огромный вклад в развитие украинского языка и литературы, а также формирование национального сознания.

А между тем, в ответе президента Академии художеств герцога М. Лехтенбергского начальнику «III Отделения» графу А. Орлову на запрос о Т. Шевченко от 14 апреля 1847 г. читаем: «...Шевченко имеет дар к поэзии и на малороссийском языке написал некоторые стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малороссийским языком и прежним бытом этого края; почитался он всегда человеком нравственным, быть может, несколько мечтателем и читателем малороссийской старины, но предосудительного на счет его ничего не доходило до сведения Академии» [7].

Безусловно, автографы произведений Шевченко свидетельствуют о низком уровне орфографической грамотности. Но и Гомер был слеп и писать не умел вообще (комиссия в составе четырех человек по указанию тирана Писистрата совершила первую запись его поэм), однако для эллинов он был олицетворением мудрости и художественного совершенства, почти богом (в античной литературе существует 9 биографий Гомера, которые состоят из мифов и сказочных повествований). Влияние Т. Шевченко является определяющим на кодификацию лексической нормы литературного украинского языка, о чем свидетельствуют многочисленные иллюстрации из его текстов в лексикографических трудах разных периодов.

У Шевченко, как и у каждого из великих людей, появилась альтернативная посмертная биография вследствие мифологизации биографии настоящей. Реальная жизнь и жанр «жития святых» не имеют ничего общего: в массовом сознании биографию поэта создавала культурная коммуникация.

Обратимся к первоисточникам. Из донесения киевского губернатора И. И. Фундуклея в «III Отделение» про арест и отправку Т. Г. Шевченко в Петербург от 6 апреля 1847 г.: «Между бумагами его оказалась рукописная книга с малороссийскими, собственного его сочинения, **стихами**, из коих многие **возмутительного и преступного содержания** (тут и далее выделение наше – Н. М.)» [8].

1847 г., апреля 21. – «Вопросные пункты» III Отделения и ответы Т. Г. Шевченко. Вопрос 18, предложенный художнику Шевченко: «Почему стихотворения ваши были в таком уважении у друзей ваших,

тогда как **они лишены истинного ума и всякой изящности**; не поклонялись ли они вам более за ваши дерзости и возмутительные мысли» [9].

1847 г., мая 28. – Выписка из доклада начальника «III Отделения» А. Ф. Орлова Николаю I о Кирилло-Мефодиевском братстве и о роли в нем Т. Шевченко:

«<...> сочинял **стихи на малороссийском языке самого возмутительного содержания**. В них он то выражал плач о мнимом порабощении и бедствиях Украины, то возглашал о славе гетманского правления и прежней вольности казачества, то с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома, забывая в них личных своих благодетелей <...> Шевченко **приобрел** между друзьями своими **славу знаменитого малороссийского писателя, а потому стихи его вдвойне вредны и опасны**...

<...> Шевченко не принадлежал к Украинско-Славянскому обществу и действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью. Тем не менее, **по возмутительному духу и дерзости, выходящей из всяких пределов, он должен быть признаваем одним из важных преступников**» [10].

Шевченко привнес в украинский литературный язык некую эстетическую упорядоченность. Его тексты, изобилующие этнографизмами, имеют мощный культурный заряд, служат средством национального самоопределения и пропаганды важных общественных идей. Именно у Шевченко складывается отношение к Российской империи как к носительнице метафизического зла. «Кобзарь» не только художественное явление, но и политический манифест, фактор национальной идентификации украинского народа», пособие по историософии, орудие в идеологической борьбе.

1859 г., августа 15. – Письмо киевского генерал-губернатора И. И. Васильчикова начальнику «III Отделения» В. А. Долгорукову по делу «богохульства» Т. Г. Шевченко и о желательности запрета ему оставаться на Украине: «Чиновник, отбиравший прописанно[e] объяснение, удостоверяет, что Шевченко, сколько можно заключать из наблюдений над ним и из суждений его о разных предметах, **предан безусловно вере предков своих** и что в нем заметно даже **врожденное, вовсе им не скрываемое, пренебрежение ко всему латинскому и польскому** [11].

Украина, «украинскость» представляют для Шевченко абсолютную ценность. Его цель – изучить и понять истинный смысл национального прошлого, раскрыть основы украинского существования, чтобы возвести фундамент для постройки идеального будущего. Свое задание великий художник слова видит в том, чтобы сделать близкими сердцу своих соотечественников-земляков важные национальные идеи, передать их далее в круг образованных людей, объединенных имперскими границами. Шевченко присуще острое ощущение принадлежности к своей земле и своему народу, глубокое и ничем не приглушенное чувство любви к ним. Он не знал греха предательства товарищей и родной земли

Модно рыться в грязном белье, углубляться в интимную жизнь и смаковать скандальные подробности. Пристрастие это весьма сомнительного качества, хотя иногда определенную известность и материальную выгоду приносит. Шевченко ведь не претендовал на святость и жизнь после жизни. Его детской мечтой (по личному признанию) была «скромная доля» стать «пастырем стад непорочным» (стад овец или свиней), а стал «апостолом правды і науки».

В 1914 г. «истинно русские люди» весьма успешно вели кампанию против возведения украинской общественностью памятника Тарасу Шевченко к столетию со дня его рождения и добились запрета на празднование юбилея великого поэта. Вопрос этот имел политическую окраску.

В 2014 г., когда в Украине произошел политический кризис, когда «тяжко жить на світі, а хочеться жить...», грянуло время материализации духа и воли Шевченко (Борітеся – поборете, / Вам бог помагає! / За вас правда, за вас слава / І воля святая! («Кавказ»); Свою Україну любіть, / Любіть її... Во время люте, / В останню